

Новый день благотворения

По сведениям из разных источников, в 90-е годы в России насчитывалось от 70 тыс. до 100 тыс. благотворительных организаций. Сейчас их на порядок меньше, а реально действующие можно и вовсе пересчитать по пальцам. Однако не все оценивают ситуацию как изменившуюся к худшему.

Перемена климата

Новейшая история российской благотворительности делится на два неравных периода – до 1 января 2002 года и после него: с этого дня были отменены налоговые льготы для юридических лиц, жертвующих деньги на благотворительные цели.

Причина отмены льгот банальна: налоговые послабления не только пробуждали у юридических лиц желание помочь нуждающимся но порой стимулировали проводить деньги через "карманные" фонды, порождали "откаты" и прочие аморальные практики. Очевидно что гораздо проще отменить налоговые льготы чем следить за каждой из 70 тыс. организаций. Однако изменение законодательства дало противоречивые результаты.

С одной стороны, резко сократилось количество организаций и компаний, которые могли бы вкладывать деньги в благотворительность. Вот что рассказал Михаил Лаврухин, председатель совета Центра гуманитарных программ: "Недавно нашим коллегам, которые занимаются помощью региональным детским домам, представители одной крупной компании предложили 10% от прибыли. Но узнав что никаких налоговых льгот давно нет они исчезли не пожертвовав ни копейки". Заметим, что это произошло почти через четыре года после внесения поправок в законодательство. Пример этот свидетельствует не столько о скупости отдельных предпринимателей сколько об общей неинформированности: по данным некоммерческого партнерства грантодающих организаций "Форум доноров", 55% населения вообще ничего не знает о благотворительных организациях в России.

Благотворительные намерения

Однако существует мнение что реальная благотворительная помощь после отмены налоговых льгот не сократилась, более того, в некоторых случаях даже увеличилась. Лев Амбиндер, руководитель Российского фонда помощи ИД "Коммерсантъ": "Я первый искренне возмущался когда отменили налоговые льготы для юридических лиц. Однако через полгода я заметил что число пожертвований в наш фонд не сократилось а, напротив, выросло, причем резко. Уже через год мы собрали вдвое больше против 2001 года".

Сомнительно что рост благотворительной деятельности напрямую связан с отменой льгот и последовавшим за ней исчезновением большинства нечистоплотных фондов. Хотя бы потому что схемы проведения денег через благотворительность существуют и теперь. По словам Михаила Лаврухина, сегодня имеют место случаи преступного сговора "благотворителей", фонда и медучреждения: "Некая компания через благотворительный фонд перечисляет на счет клиники X \$1 млн для лечения детей. На лечение тратится, скажем, \$200 тыс., а остальные \$800 тыс. делятся между участниками этого предприятия".

Реально оценить насколько выросли объемы благотворительной деятельности в целом совершенно невозможно, поскольку общей статистики как не было до 2002 года так нет

и теперь. По данным некоммерческой организации "CAF Россия" (Charities Aid Foundation), по процентному отношению благотворительной деятельности к прибыли корпораций крупные российские компании едва ли не более щедры чем их западные коллеги. То же касается личных вложений крупнейших бизнесменов: на Западе это десятки тысяч, в России – сотни тысяч и миллионы долларов. Так, общие благотворительные вложения 23 крупнейших компаний, по данным CAF, составляют около \$1,5 млрд в год. К примеру, ЛУКОЙЛ в год тратит около \$100 млн, "Северсталь-групп" – \$50 млн. Существенный момент: это не только вложения в медицинскую благотворительность но и открытые социальные вложения.

Правда, это только крупные компании. Ясно что они могут себе позволить большие вложения в благотворительность, и для них налоговые послабления не играют решающей роли. А вот более мелким и не столь успешным компаниям после отмены налоговых льгот благотворительность стала просто не по карману.

Существует также мнение что благотворительная деятельность сократилась и это закономерный процесс, связанный с укреплением государственной системы здравоохранения. Владимир Агеев, председатель правления общественного благотворительного фонда поддержки здравоохранения "Здоровье" рассказывает: "В 90-е был бум на благотворительность, потому что государство не финансировало здравоохранение. Поэтому мы, например, поставляли противотуберкулезные препараты. Мы организовывали благотворительные концерты студентов Московской консерватории в Японии, на заработанные деньги покупали препараты и оборудование для детских противотуберкулезных больниц в Москве и Карелии. Или, например, мы организовали акцию 'Кукла от звезды', когда деятели кино и телевидения своими руками делали кукол, которые потом продавались на аукционе. На эти деньги было сделано больше 70 челюстно-лицевых операций детям с 'заячьей губой' и 'волчьим небом'. Всех детей, которые на тот момент были не охвачены бюджетом, мы вылечили. А сейчас в этом нет необходимости: всем таким детям делают операции в плановом порядке на бюджетной основе".

Идея что благотворительность сейчас менее развита и актуальна чем десять лет назад, мягко говоря, небесспорна. Лев Амбиндер: "Детей с челюстно-лицевыми дефектами десятки тысяч по всей России, и никаких фондов ни десять лет назад, ни теперь не хватит чтобы оплатить все операции. Наши читатели и сейчас оплачивают десятки челюстно-лицевых операций детям ежегодно. Да, действительно, исчезла потребность в частном финансировании лечения ряда болезней, например, таких как гемофилия или карликовость: теперь государство оплачивает это лечение, однако появились новые виды дорогостоящего лечения, которое государство не финансирует".

Квоты на лечение, как правило, не покрывают затрат на него, не говоря уже о том что они достаются далеко не всем детям. Михаил Лаврухин: "220-й приказ Минздрава по высокотехнологичным операциям регламентирует затраты на лечение. По гематологии это, например, около 43,3 тыс. руб., по нейрохирургии – 114,3 тыс., по сосудистой хирургии – 133 тыс. руб. С другой стороны, тот же Минздрав утверждает стандарты лечения каждого заболевания. Стоимость лечения по этим стандартам получается существенно выше. Например, государственная квота на операцию по поводу сколиоза – около 106 тыс. руб. Фактические расходы на само лечение составляют 130 тыс. руб., металлоконструкция для операции стоит до 270 тыс. руб., и ее стоимость государство не покрывает вовсе. Кроме того, недавно у нас в Бакулевском центре проходила лечение девочка из Хакасии – по словам ее отца, на всю Хакасию в год выделяется только две квоты на подобное лечение". Лев Амбиндер: "Количество таких квот в разы меньше

потребности в них. При этом есть виды помощи, которые не входят в этот список. Например, эндоваскулярное лечение пороков сердца. Полное лечение сердечно-сосудистых заболеваний обходится примерно в 300 тыс. руб. В этом году квота действительно выросла до 182 тыс., однако все равно остается дефицит – 118 тыс. руб. А есть еще проблема износа и приобретения нового оборудования, что вообще не финансируется".

К слову, в Соединенных Штатах, чья система здравоохранения несравнимо богаче российской, ежегодные благотворительные сборы составляют не меньше \$250 млрд, при том что региональные больницы не испытывают нехватки оборудования, расходных материалов и не требуют капитального ремонта. В России, по самым оптимистическим подсчетам, на благотворительность тратится в тысячу раз меньше, причем медицинская благотворительность в нашей стране далеко не на первом месте.

В поисках формы

Существуют разные формы такого рода благотворительности. Можно откликнуться на частные объявления о "дорогой операции для ребенка", которые исправно получает каждый имеющий электронный адрес. В этом случае, однако, вы зачастую не знаете, дошли ли ваши деньги до нуждающегося в помощи, в полном ли объеме, да и вообще, был ли "мальчик".

Другой вариант – помощь медицинскому учреждению. Этот путь требует некоторых усилий со стороны благотворителя: необходимо выбрать больницу, связаться с ее администрацией, выяснить, чего именно не хватает ей для работы. При этом если перевести деньги на счет больницы или вручить их непосредственно врачу, нельзя исключить их "нецелевого" расходования. Так что лучше всего самостоятельно приобрести необходимое оборудование или материалы и подарить их медучреждению.

И, наконец, наиболее простой но эффективный способ – перечислить средства в один из фандрайзинговых фондов (фондов, которые занимаются сбором добровольных пожертвований). Однако следует быть особенно внимательным при выборе фонда чтобы ваши деньги действительно быстро дошли до нуждающихся и были потрачены с пользой.

В поисках фонда

Фонды, которые занимаются благотворительностью в области здравоохранения, можно разделить в зависимости от источника финансирования на государственные, частные, корпоративные и общественные. Пожертвования от организаций и частных лиц принимают только общественные.

Выбрать подходящий фонд может помочь, например, "Форум доноров". Эта организация занимается налаживанием сотрудничества благотворительных организаций между собой и с заинтересованными сторонами. По словам ответственного секретаря организации Натальи Каминарской, "Форум" дает исчерпывающую информацию не только о собственных членах но и обо всех других авторитетных фондах: "Мы стремимся как можно шире распространять информацию о деятельности благотворителей. Например, устраиваем конкурс отчетов о благотворительной деятельности, чтобы люди видели что не все разворовывается, кроме того, мы работаем со СМИ, проводим всевозможные просветительские мероприятия в области благотворительности".

При самостоятельных поисках фонда нужно в первую очередь обращать внимание на его финансовую чистоплотность. Как правило, у добросовестных фондов финансовые схемы просты, и разобраться в них под силу любому человеку, даже не имеющему экономического образования. Лев Амбиндер: "В прошлом году мы собрали \$2,27 млн, в этом году будет около \$4 млн. В месяц фонду удается собирать в среднем \$320 тыс. При этом деньги через нас не ходят. Это такая фабрика: на входе письма попавших в беду, на выходе – деньги читателей, которые они перечисляют непосредственно на счета больниц. У нас отвратительно чистые руки.

Если к нам обращаются желающие помочь мы даем счет, специально выставленный для больного ребенка клиникой, в которой он будет лечиться. Бывает, что на этом счете накапливается сумма в несколько раз большая чем нужно на одну операцию. Чтобы эти деньги не терялись, бухгалтерии клиник отчитываются перед нами, а врачи заранее готовят нам 'скамейку запасных' из пациентов, которые также нуждаются в операции и которым мы отдаем 'излишки'. Например, так работает Томский кардиологический центр, в котором мы помогли создать современное детское отделение с реанимацией. Сейчас там лечат детей не только со всей области, но и из других сибирских и дальневосточных регионов, здесь формируется одна из наиболее профессиональных детских кардиохирургий в России".

Как правило, у каждого солидного фонда есть сайт, на котором можно найти исчерпывающую информацию о судьбе пожертвований. Здесь также нужно быть начеку: в последнее время в интернете появились "зеркальные" сайты благотворительных организаций, которые представляют собой абсолютную копию сайтов благотворительных фондов, с одним незаметным, но существенным отличием: на них приведены другие расчетные счета. Куда уходят перечисленные на эти счета деньги никто не знает, но точно не на благотворительные нужды. Поэтому, прежде чем перечислить деньги на счет, имеет смысл связаться с благотворительной организацией и все проверить.

Некоторым авторитетным фондам удается минимизировать затраты на собственное содержание и выживать без привлечения законного процента от пожертвований. Михаил Лаврухин: "За этот год нам перечислили более 12,5 млн руб. С учетом того что в нашем центре работает два человека и у нас нет медийной поддержки, это неплохой КПД. Каждый год мы добровольно делаем аудит, чтобы все кто жертвует на нас деньги видели на что мы их тратим. По сайту любой может отследить судьбу своих пожертвований. На наши административные нужды в этом году, например, пришлось около 790 тыс. руб. Закон дает возможность тратить на свое содержание 20% от пожертвований, но мы этого не делаем из принципиальных соображений. Мы существуем только на специальные пожертвования, которые приходят с назначением 'на содержание организации'". Лев Амбиндер: "У нас законодательно принято, что 20% – это оптимальная себестоимость. В цивилизованном мире считается что хорошая себестоимость благотворительных услуг – это 9-12%. У нашего фонда это 3,5-4%. Американцы, когда узнали как мы работаем, просто не поверили мне. "Вы бы могли быть миллионерами с вашими законами и вашей себестоимостью". Но нам на самом деле не нужны эти деньги: наши сотрудники получают зарплату в 'Коммерсанте', и у нас есть три гранта от российских организаций, на которые мы благополучно содержим внештатников для производства экспертизы и сайта".

КАРЕН ШАИНЯН